ЖОРЖ
САНД
Ночные видения
в деревнях

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Если я скажу, что не верю этим видениям — я солгу. Я их никогда не видал — это правда: я бывал в деревне во всякие часы ночи, бывал один и в компании великих трусов и, за исключением нескольких безобидных метеоров, каких-нибудь старых фосфорических деревьев и некоторых других явлений, не придающих природе плачевного вида, никогда не имел удовольствия встретить какой-нибудь фантастический предмет и рассказать, как очевидец, какую-нибудь историю о выходце с того света».

- Жорж Санд
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3

Жорж Санд
Ночные видения в деревнях

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XXXI

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1851

Перевод части статьи.

Если я скажу, что не верю этим видениям — я солгу. Я их никогда не видал — это правда: я бывал в деревне во всякие часы ночи, бывал один и в компании великих трусов и, за исключением нескольких безобидных метеоров, каких-нибудь старых фосфорических деревьев и некоторых других явлений, не придающих природе плачевного вида, никогда не имел удовольствия встретить какой-нибудь фантастический предмет и рассказать, как очевидец, какую-нибудь историю о выходце с того света.

Однако же я не из числа тех, кто говорит о сельском суеверии: ложь, глупость, действие страха. Я просто говорю: обман зрения или внешнее явление, неразрешенное и непонятое. Но для этого мне не нужно верить ни в колдунов, ни в русалок. Рассказы о колдунах, фантастическое объяснение так называемых ночных видений — это поэма, порожденная сельским воображением. Но факт существует, факт совершается, и все равно, будет ли он видением в воздухе, или только в глазах, его усматривающих, — он все-таки предмет, действительно и логически воспроизведенный, как отражение предмета в зеркале.

Разве аберрации чувств объяснимы? Разве они объяснены? Я знаю только, что они доказаны; несправедливо было бы утверждать, что они — единственно дело страха. Во многих случаях это справедливо, но есть исключения неоспоримые. Люди хладнокровные, испытанной смелости, поставленные в такие обстоятельства, в которых, кажется, ничто не могло действовать на их воображение, даже люди просвещенные, ученые, знаменитые, имели видения, которые не потрясли ни их рассудка, ни здоровья, и, однако же, они не могли не ощутить в себе какого-то волнения.

Между многими занимательными сочинениями, написанными об этом предмете, необходимо упомянуть о сочинении доктора Бриерра де Боамон, который по возможности хорошо анализирует причины обмана чувств (hallucination). В круг этих серьёзных трудов я внесу только одно полезное замечание: это то, что человек, ближе живущий к природе, дикий, а за ним крестьянин, более расположен и более подвержен явлениям обмана чувств, чем люди из других классов. Конечно, невежество и суеверие заставляют его принимать за сверхъестественные явления простые аберрации его чувств; но, повторю, их не всегда порождает воображение: оно только объясняет ему эти явления по-своему.

Первоначальное воспитание, сказки в сумерках, страшные рассказы кормилиц и бабушек, — располагает ли всё это детей и

даже взрослых к восприятию этих впечатлений? Полагаю, что так; но не полагаю, чтобы самые простые понятия об элементарной физике и насмешка могли изгнать из деревень эти так называемые предрассудки.

Для деревенского жителя постоянный вид полей, воздух, которым он постоянно дышит, разнообразные картины природы, — все это представляет особенные условия существования умственного и физиологического. Они делают из него существо более примитивное, быть может, более нормальное, более связанное с почвой, более слитое с элементами творения, чем мы, отдаленные возделыванием мысли, так сказать, и от неба и от земли, создающие себе жизнь вымышленную, заключенную в каменные, закупоренные жилища. Дикий или крестьянин, находясь даже в шалаше или хижине, всё еще живет в тумане, молнии и ветрах, окутывающих его убогое убежище. На Адриатике есть рыбаки, которые не знают крова: они спят в своей лодке, прикрывшись рогожкой; звезды светят им в лицо, ночной ветерок играет их бородой, их тело качает волна. Есть разносчики, цыгане, погонщики, которые вечно спят на свежем воздухе, как индейцы Северной Америки. И нет сомнения, что кровь в этих людях обращается не так, как наша, и нормальное состояние их нервов зависит от других условий, их мысли имеют другое течение, их чувствования воспроизводятся другим образом. Поговорите с ними: из них нет ни одного, который бы не видал чудес, видений, ночных, странных и необъяснимых сцен. Между ними есть люди очень храбрые, рассудительные, откровенные и все-таки подверженные обману чувств. Прочтите все заметки, собранные об этом предмете, — вы увидите, что этот обман чувств совершенно возможен при полном рассудке.

Вы скажете, что это есть болезненное состояние мозга; однако же, всегда есть возможность приблизительно открыть физическую или нравственную причину этих явлений в расстройстве духа или тела; но иногда она бывает так неожиданна и таинственна, что может на минуту поколебать ум самый твердый.

У крестьян все это повторяется так часто, что становится как бы постоянным законом их организации. Они пугаются не так, как мы. Если нам во время кошмара или в бреду горячки грезятся странные видения, то для нас крайняя степень ужаса заключается в том, что мы теряем рассудок. Чем яснее в нас сознание, что все это происходит во сне, тем более стараемся мы убедить себя, что не можем избавиться от этого положения единственно силой воли. Были примеры, что люди теряли рассудок от одного только страха потерять его. Крестьяне не знают подобных мучений. Они

убеждены, что видят действительные предметы, и пугаются до смерти. Но так как им и в голову не приходит усомниться в том, что они в полном уме, то обман чувств для них вовсе не так опасен, как для нас. Однако же, обман чувств не составляет единственной причины, по которой я допускаю, до известной степени, ночные видения. Я думаю, что есть тысячи мелких ночных явлений: взрывы и воспламенения газов, сгущение паров, подземный гул, небесные призраки, маленькие аэролиты, аберрации, быть может, даже у животных. Есть тысячи таинственных тонкостей или нечаянных замешательств в обычном действии природы, которые ученые примечают случайно, на которые крестьяне, находясь в беспрестанном столкновении со стихиями, беспрестанно указывают, но не могут объяснить их.

Что вы думаете, например, о веровании в *волчьих вожатых*? Поверье это существует, кажется, во всех странах и распространено по всей Франции. Это последний след верования в оборотней. В Берри, где сказки, рассказываемые нашим внукам, уже не так чудесны и ужасны, как те, которые нам рассказывались нашими бабушками, я не припомню, чтобы мне кто-нибудь говорил о древнем или средневековом волко-человеке. Однако же, там употребляют ещё слово garou, означающее именно волко-человека, но истинный смысл этого слова уже утрачен. *Волчьи вожатые* (meneurs de loups) — это уже не предводители шайки колдунов, обращавшихся в волков и пожиравших детей: теперь это люди учёные, таинственные, старые дровосеки или, наконец, хитрые смотрители за дичиной, обладающие *тайной* очаровывать, покорять, приучать к себе и управлять настоящими волками. Я знаю многих людей, которые встречали при первых лучах месяца, на перекрестке четырех дорог *такого-то*, шедшего скорыми шагами, сопровождаемого более нежели тридцатью волками (в легенде всегда более тридцати и никогда менее). Однажды ночью два человека (сами мне это рассказывавшие) увидали в лесу стадо волков и, испугавшись такой встречи, влезли на дерево, откуда видели, как звери остановились перед хижиной дровосека, которого все считали колдуном. Волки окружили хижину и подняли жуткий вой. Дровосек вышел к ним, поговорил с ними, прошелся между ними, и они рассеялись, не причинив ему ни малейшего вреда. Это рассказывали мне крестьяне, но другие два человека, богатые, получившие порядочное воспитание, люди здравомыслящие и смышленые в делах, жившие недалеко от леса, в котором часто охотились, клялись мне честью, что раз они увидали, как старый лесничий остановился на перекрестке и стал делать какие-то странные движения. Они спрятались, чтобы

посмотреть, что будет, и увидали, как прибежали тринадцать волков, из которых самый большой подошел к лесничему и стал к нему ласкаться. Лесничий свистнул другим, как свищут собакам, когда сзывают их, и удалился с ними в чащу. Свидетели этой странной сцены не посмели последовать за ним и удалились в страхе и изумлении. Были ли они жертвами обмана чувств? Когда обман чувств (галлюцинация) овладевает разом несколькими лицами (а это, как доказано, часто случается), то он принимает характер необъяснимый; такая галлюцинация называется заразительной. Но к чему знать название, когда не знаешь причины? Каким образом известное расположение нервов и известное состояние кровообращения, которые принимаются за причину слышания или видения фантастических предметов, могут быть одновременны в нескольких собравшихся вместе лицах? Этого я не постигаю.

Но почему не допустить, что человек, который живет среди лесов, который может во всякое время дня и ночи подмечать и наблюдать за нравами диких зверей, мог открыть, случайно или вследствие врожденной способности наведения, средство покорять их и заставлять полюбить себя? Этого мало: почему бы не допустить, что в нем есть известного рода магнетизм, сродный некоторым породам зверей? Мы ведь видели же искусных укротителей диких зверей в клетках; еще одно усилие, и можно допустить господство некоторых людей над дикими зверями, живущими на воле.

Но зачем этим людям скрывать свою тайну и не извлекать выгоды и тщеславия из своего могущества?

Потому, что крестьянин, получая от естественной причины столь же естественное действие, сам не воображает, что повинуется естественному закону. Дайте ему лекарство и просто скажите, что действие этого лекарства такое-то, — он нашему лекарству не поверит, но присоедините к нему какие-нибудь непонятые слова, и он поверят действительности данного ему средства. Доверьте ему тайну лечить кашель корнем проскурняка и прибавьте, что корень этот нужно давать больному не иначе, как сделав три кабалистических знака или вывернув чулок наизнанку, и он почтет себя за колдуна и все другие сочтут его колдуном в отношении кашля. Он весь свет станет лечить столько же верою, сколько проскурняком, но ни за что не скажет имени обыкновенного растения, производящего это чудо. Он сделает из него тайну: тайна его стихия.

Я не стану говорить здесь о том, что во Франции, да и повсюду, называют секретом: это было бы отступление, которое завлекло бы меня далеко. Скажу только, что есть секрет для всего,

что он переходит от отца к сыну или покупается за деньги, но никогда никто не выдает секрета и никто не выдаст, пока будут в него верить. Точно так же существует, быть может, секрет и у волчьих вожатых.

Одни из ночных сцен, верование в которую наиболее распространено, есть фантастическая охота. Она носит бесчисленное множество названий. Во Франции она называется охотой на ослах, и когда она несется по воздуху, слышится рычание бесчисленного стада ослов. Картину этой охоты легко нарисовать в своем воображении, но у крестьян это нечто такое, что можно слышать, а не видеть: это — галлюцинация или явление акустики. Я, казалось, слышал ее не раз и мог бы объяснить ее самым простым образом. В последних днях осени, когда сильные ураганы рассеивают стаи перелетных птиц, ночью слышится меланхолический крик журавлей и диких гусей. Но крестьяне, которых считают столь легковерными и малонаблюдательными, не ошибутся и не примут этого за ослиную охоту: они умеют распознавать крики разных птиц, не свойственных климату Франции, наполняющих в то время воздух и теряющихся во мраке осенних ночей. Следовательно, ослиную охоту этим нельзя объяснять. Они часто ее слышат, но я, который долго жил и скитался во время бурь и туманов, никогда не видал её. Иногда она сопровождается явлением на небе двух лун, но и в этом случае мне ни разу не посчастливилось, потому что я всегда видел только одну, старинную, всем известную луну.

Белый бык, золотой теленок, дракон, гусь, черная курица, белая свинья и множество других фантастических животных охраняют, как всем известно, клады во всех странах. В полночь на Рождество, по поверью крестьян во многих местах, с первым благовестом, эти адские стражи лишаются своей силы до тех пор, пока не ударит колокол в последний раз, возвестив окончание литургии. Это единственный час в целом году, в который есть возможность овладеть кладом. Но надо знать, где он, и иметь время выкопать и схватить его. Если же вы будете еще находиться в пропасти, когда в церкви произнесут слова *Ite, missa est*[1], то пропасть навсегда закроется над вами; точно так, если вам удалось встретить фантастическое животное, то покорность, которую оно вам оказывало во время службы, в эту минуту сменяется яростью, и гибель ваша несомненна.

Предание это повсеместно во Франции. Мало развалин, замков и монастырей, мало кельтских памятников, в которых не скрывалось бы клада, и этот клад не охранялся бы каким-нибудь адским зверем. Жюль Кануг**ó** в своем бесподобном собрании южных сказок опоэтизировал грациозное и благодетельное

явление золотой козы, хранительницы сокровищ, затаенных в недрах земли. В нашем климате, менее благорастворенном, клады охраняются белым быком, или золотым тельцом, или серебряной телкой; но животные эти не походят на козу Жюля Канугó: они злы и встреча с ними так ужасна, что никто еще не осмеливался схватить их за рога.

По нашим тенистым долинам, перерезанным большими плодоносными полянами, непонятное животное прогуливается по ночам в неопределенные эпохи, мучит быков на пастбищах и бродит около мыз, где всё приходит в смятение. Собаки воют и бегут, когда оно приближается; пули не ранят его. Поверье в это животное еще в полной силе в наших местах: все наши фермеры и слуги верят в этого зверя, и всем им случалось видеть его. По преданию его называют большим зверем, хотя он часто является в виде и размерах барсука. Одним он являлся в виде собаки величиной с огромного быка, другим — в виде борзой с добрую лошадь, третьим наконец — простым зайцем или овцой. Те, кто говорит о нем совершенно хладнокровно, пытались преследовать его без большой боязни. Они не придают ему никакой фантастической власти, с трудом описывают его, потому — говорят они — что он принадлежит к неизвестной у них породе, и уверяют, что собственно это ни собака, ни корова, ни барсук, ни лошадь, а что в нём есть всего понемногу! Однако же я убежден, что животное это является или как обман чувств, или в виде носящегося пара, сгущенного в различные формы. Его видели люди слишком чистосердечные и рассудительные, и я не могу сказать, чтобы виденье их не имело какого-нибудь основания. Что собаки возвещают о нем отчаянным воем и разбегаются, лишь только оно покажется — это не подлежит сомнению. Разве и собаки подвержены обману чувств? Почему бы и не так? Не выдумка ли это воров? Но, сколько известно, животное это никогда не воровало. Не глупые ли это шутники? Но в это видение столько раз стреляли, что случайно, несмотря на то, что у стрелявших тряслись руки, хотя бы одно из этих мнимых привидений было бы убито или ранено. Наконец, этот род видений, если он есть следствие галлюцинации, необыкновенно заразителен: в продолжение пятнадцати или двадцати ночей, двадцать или тридцать жителей какой-нибудь фермы видят это явление и преследуют его. Оно переходит потом в другие деревни, и там его все видят точно таким, каким видели в предыдущем месте.

Но вот самое страшное из ночных видений: около стоячей воды, в местах, поросших вереском, или у тенистых источников, под ветвями старых ив или среди голой долины раздаются во

время глубокой ночи быстрые удары и страшный стук вальков прачек. Во многих местах полагают, что они, поднимая до облаков водные брызги, вызывают дождь и привлекают бурю, но у нас они бьют и крутят что-то такое, что походит на белье, но это совсем не белье, а трупы детей. Боже сохрани, если вы вздумаете подсматривать за ними или помешаете им: они схватят вас, начнут колотить и скрутят, как пару чулок, хотя б вы были ростом с сажень. Мне часто удавалось слышать, как стук вальков фантастических прачек раздавался в ночной тишине около пустынных болот: сходство действительно поразительное, а между тем стук этот производят совсем не прачки, а особый род лягушек. Согласитесь, что грустно сделать такое открытие и потерять надежду увидеть когда-нибудь ужасных волшебниц, крутящих страшные тряпки в тумане ноябрьских ночей, при слабом мерцании нарождающейся луны, дробящейся в воде. Один из моих друзей, человек, в котором более ума, нежели смысла, и, по правде сказать, сильно расположенный к пьянству, человек очень храбрый, когда дело касается действительности и легко поддающийся суеверному страху, два раза в жизни видел волшебных прачек и рассказывал о них с величайшим страхом.

Однажды вечером, часов в одиннадцать, проходя по живописной дороге, которая бежит, извиваясь и так сказать, прыгая по окраине волнистого Ормусского оврага, он приметил на берегу источника старуху, в молчании колотившую и выжимавшую белье. Об этом источнике ходила дурная молва, но он, ничего не подозревая, сказал старухе: «Тетка, что так поздно моешь?» Старуха ничего не отвечала. Полагая, что она глуха, он подошел к ней ближе. В то время луна была в полном блеске, и источник сверкал как зеркало, так что он ясно мог рассмотреть лицо стиравшей женщины и убедился, что оно ему совершенно незнакомо. Это очень удивило его: проведя в деревне всю жизнь, охотясь и прогуливаясь по окрестностям, он знал в лицо всех жителей на несколько миль в окружности. Вот слово в слово его рассказ о том, что он чувствовал, встретясь с такой ретивой прачкой: «Мне пришло в голову поверье о ночных прачках лишь тогда, когда я потерял старуху из виду, а до этого я и не думал о них никогда, не верил в них и подошел к старухе без малейшего страха. Но её молчание, её равнодушие при приближении нового лица придали ей в моих глазах вид существа неземного. Если она от старости потеряла слух и зрение, то каким образом достало у неё силы прийти издалека и мыть белье в позднюю ночь, в одном из самых холодных источников, и работать с такой силой и деятельностью? Как хотите, это заслуживало внимания. Но более всего меня изумило то, что происходило во мне самом: то был не

страх, а чувство непобедимого отвращения. Когда я прошел мимо неё, она даже не повернула головы. Только придя домой, стал я думать о ночных прачках, и, признаюсь откровенно, мне сделалось ужасно страшно. Вернуться назад я, кажется, не согласился бы ни за что на свете».

В другой раз приятель мой проезжал близ прудов Тевé: он возвращался из местечка Лимьера, где, как он заверял меня, ничего не ел и не пил, что, впрочем, очень сомнительно. Он был один, в кабриолете с собакой. Лошадь его так устала, что он вышел из экипажа и очутился на дороге, близ рва, где три женщины мыли, колотили и выжимали белье со страшной быстротой, в совершенном молчании. Собака вдруг прижалась к нему и перестала лаять. Он прошел мимо, не обратив на них внимания, но, сделав несколько шагов, он услыхал, что сзади него кто-то идет, и увидел на земле, у своих ног, необыкновенно длинную тень. Он обернулся: одна из женщин следовала за ним, остальные две шли на некотором расстоянии, как бы готовясь, в случае нужды, подать ей помощь. «На этот раз — говорит он — мне тотчас пришли в голову прачки. Но мысль эта подействовала на меня совершенно иначе, нежели в первый раз. Женщины были так высоки ростом, а та, которая следовала за мной, лицом, ухватками и походкой так походила на мужчину, что я был уверен, что это все проделка деревенских шутников, а может быть и просто мошенников. В руках у меня была добрая дубина. Я повернулся к ней и сказал: «Что тебе нужно?» Ответа не было. Так как они не нападали на меня, то и я сам не имел повода напасть на них и, преследуемый неприятной спутницей, поспешил догнать кабриолет, опередивший меня на значительное расстояние. Она не говорила ничего и, казалось, наслаждалась только моим страхом. Я держал по-прежнему палку наготове, чтобы раздробить ей голову при малейшем её прикосновении. Так дошел я до кабриолета вместе с трусливой собакой, которая прыгнула в него вслед за мной. Тут я обернулся, но на дороге никого не было, хотя до этой минуты я явственно слышал за собой шаги и видел на земле тень. Только в шагах тридцати от кабриолета, на том самом месте, где я вышел из экипажа, увидел я, как эти три длинные прачки прыгали, плясали и кувыркались в исступлении на краю рва».

Я передаю вам эту историю точно так, как она была мне самому рассказана, а она была рассказана с самой простодушной уверенностью. Если хотите, можете принять ее как пример обмана чувств.

Окончу рассказ мой поверьем о вязе Ратó, великолепном дереве, существовавшем еще во время Карла VII. Как всякий вяз,

он издали не очень роскошен и ветви его похожи на грабли, именем которых он и назван[2]. Но это только случайное совпадение с поверьем, давшим ему это имя. Вблизи он очень величествен по своему высокому стволу, изборожденному молниями. Он как памятник стоит на широком перекрестке общественных дорог. Эти дороги, широкие как луга, беспрестанно общипываемые стадами пролетария, покрыты низенькой травой, терновником и репейником. Равнина стелется далеко; она свежа, хотя и нага, но печальна и утомительна, несмотря на своё плодородие. Деревянный крест стоит на каменном пьедестале — последнем следе, оставшемся от четырех старинных статуй, исчезнувших после 93 года. Общественная дорога, по которой теперь встретишь одних только пешеходов, да изредка проедет мельник или жандарм на лошади, была некогда одним из главных путей сообщения центральной Франции. Ее до сих пор называют еще дорогой англичан. Она была путем военным: по ней шли войска, вторгнувшиеся во Францию, — войска, которые Дюгеклен прогнал по ней же назад, освободив Сент-Север, последнюю крепость, находившуюся в их власти.

Подробностей этих нет ни в одной истории: они сохранились только в предании. Теперь я расскажу само поверье о вязе Рат**о́** — поверье занимательное, несмотря на неприятные свойства животных, играющих в ней роль.

Около этого вяза маленький пастух пас стадо свиней. Он глядел в ту сторону, где стоит Шартр, когда вдруг появилась вооруженная шайка, опустошавшая поля, сжигавшая хижины, умерщвлявшая крестьян и похищавшая их жён. То были англичане, стремившиеся на Берри и готовившиеся разорить Сен-Шартье. Маленький свинопас отогнал свое стадо в сторону и видел, как неприятель пронесся мимо, подобно урагану. Когда он снова возвратился со своим стадом под вяз Рат**о́**, то страх, который он ощутил сначала при виде врагов, сменился в нем гневом, и против англичан и против себя самого. «Как! — подумал он — мы позволяем губить себя без всякого сопротивления! Нет, мы трусы! Я должен идти против англичан, поэтому мне некогда загнать стадо: пока я сведу стадо домой, злодеи успеют наделать нам много зла. Оставлю я тут мою палку; она покараулит свиней моих в продолжение трех дней и трех ночей».

И с этими словами мальчик положил свою палку, снял свои деревянные башмаки и побежал в Сен-Шартье, где три дня и три ночи ратовал против англичан, вместе с другими добрыми своими сверстниками, поддерживаемый французскими солдатами. Потом, когда неприятель был прогнан, он возвратился

к своему стаду и перечел свиней: все были на месте, несмотря на то, что мимо этого места прошло много бродяг, грабителей и даже волков, которых привлекал запах крови. Мальчик взял опять свою палку, стал на колени, помолился и, не мечтая о великом назначении, подобно Жанне д'Арк, но довольствуясь мыслью, что и он способствовал освобождению, по-прежнему стал пасти свое стадо.

Но вот самое главное поверье о вязе Рат**о́**, пользующееся наибольшей верою. Около вяза гуляет господин; гуляет он с тех пор, как свет стал светом. Кто он? Никто не знает. Одет он в черное, роста он двадцати футов. Это непременно господин, потому что он следует моде: в прошедшем столетии он являлся в черном костюме, коротких панталонах, башмаках с пряжками, со шпагой; во время директории его видели в собачьих ушах[3] и широком галстуке; теперь он одевается как вы, как я, но всегда носит на плечах грабли, и горе ногам людей и животных, проходящих по его тени. Впрочем, он человек не злой и позволяет себя видеть лишь тем, кто владеет секретом.

notes

Примечания

1

Идите, месса окончена (*лат.*)

2

Les râteaux (*фр.*) — грабли.

3

Причёска.